МУРЗИЛКА

№ 11 Журнал ЦК ВЛКСМ для школьников младших классов НОЯБРЬ 1952

имени
В. И. ЛЕНИНА

Рис. Е. КИБРИКА

„24 октября ночью в Смольный прибыл Ленин...“

БОРИС ЕМЕЛЬЯНОВ

Государственная ордена Ленина Библиотека СССР им. В. И. Ленина

Рис. В. ЩЕГЛОВА

БОГАТЫЙ ЧЕЛОВЕК

В городе Петрограде, в тёмном и сыром подвале на Миллионной улице, бедно и трудно жил Павел Соколов вдвоём с больной матерью. То ли в горькую насмешку, то ли просто так, по названию улицы, соседи и товарищи прозвали Павла Пашкой-миллионщиком.

Пашка не возражал, но ему от такого богатого прозвища жилось не легче. Были дни, когда у него с матерью не то что миллионов, а и копейки не было за душой.

Мокрая холодная осень стояла в городе. В очереди за хлебом Пашка ходил в старой материной кацавейке и, если уж очень было холодно, надевал на босые ноги старые калоши. Уличные мальчишки узнавали его в таком одеянии за версту: «Вон он, смотрите, Пашка-миллионщик идёт!», «Эй, Пашка, здравствуй!»

Товарищи Пашку любили: он никогда не терял бодрости и ни от какой трудной жизни не приходил в уныние. Морской картуз, доставшийся ему по наследству от отца, он носил на затылке гордо, как бескозырку, а свой последний кусок колючего чёрного хлеба старался как-нибудь незаметно подсунуть матери «для поправки здоровья».

Однажды утром Пашку разбудила стрельба. В городе Петрограде в суровые дни 1917 года люди успели привыкнуть к выстрелам. Стреляли в городе и в феврале, когда свергали царя, стреляли в июле, когда юнкера, меньшевики и эсеры расстреливали рабочую демонстрацию... Но уж очень часто, уж очень близко гремели сегодня выстрелы.

Пашка, как только проснулся, немедленно взобрался на подоконник. Что он мог увидеть из-под земли, из своего подвального окошка? Вот пробежали мимо крепкие сапоги с медными подковками на каблуках, вот побежали они обратно, а за ними следом затопали солдатские ботинки. Стёкла звякнули, задрожали... На колёсиках по тротуару прокатился пулемёт, и Пашка не выдержал. Как был, босиком, он петухом взвился на чердак. Отсюда из слухового окошка было видно и слышно далеко-далеко. По Дворцовой площади мчались броневики, из-за ограды Зимнего дворца трещали выстрелы. Чёрной железной колонной, ощетинясь винтовками, шли по Невскому проспекту матросы. Грузовики с солдатами торопились по направлению к Смольному, красные знамёна так и полоскались по ветру...

«Вся власть Советам!» — успел прочитать Пашка на кумачовом плакате.

— Ура! — закричал он радостно.

Всё новые и новые толпы и отряды стремились к центру города. Впереди колонн и сбоку по тротуару бежали люди в кожаных рабочих куртках и чёрных бушлатах с красными повязками на рукавах.

— Большевики! — сказал Пашка с удовольствием. — «Много наших, большевиков, — подумал он, спускаясь с чердака. — Был бы отец живой, ещё было бы больше».

В нетопленной с вечера комнате мать лежала, укрытая одеялом с головой; печка-буржуйка стояла в углу без дела.

На дрова Пашка, не долго думая, расколол свой любимый самокат «тыщу вёрст в час», — в такое время не до игрушек. Он затопил печь, поставил на огонь чайник, сел к столу и задумался.

Вода в чайнике закипела и застучала крышкой; мать потихоньку приподнялась, посмотрела на сына и заплакала.

— Не плачь, — сказал Пашка. — Не плачь. Слышишь, как гремит? Это, мамка, наверно, настоящая революция. Пей чай! У нас с тобой ещё восемь картошек есть в кошёлке. Мы с тобой, мамка, богатые.

— Миллионщики, — сказала мать тихо, вытирая слёзы.

К вечеру на другой день ни хлеба, ни восьми картошек в доме не стало.

Когда стемнело, Пашка вышел из дому. Ой, как холодно и неприветливо было на улицах! Двери домов были плотно закрыты. Друзья-товарищи на глаза не попадались. Хлебом в городе и не пахло. Пахло порохом.

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

Вспышки выстрелов сверкали совсем недалеко, на площади против дворца. На углу переулка горел костёр. У огня хлопотали молодые парни в матросских шинелях. На костре в ведёрке кипела вода.

— Это вы зачем её кипятите? — спросил Пашка из темноты. — Для сугрева?

Матросы вздрогнули и схватились за оружие: «Кто идёт?» — и сразу же увидели Пашку.

— Ты откуда? Кто такой? — сурово сказал самый старший высокий матрос.— А ну, отвечай, как положено.

Пашка не знал, как положено отвечать в таких случаях.

— Я Пашка-миллионщик, — сказал он успокоительно. — Вы не бойтесь, меня тут все знают. Отец был матросом...

— Был, — проворчал высокий. — А теперь где он есть? Вот в чём главное.

— Отец у меня на «Смелом» потонул возле острова Гельголанда, — сказал Пашка с грустью и с гордостью. — Он теперь на дне морском. Одни с мамкой живём.

— Хорошо, наверно, живёшь? — спросили матросы. — На свои мильоны?

— Плохо, — ответил Пашка доверчиво. — Картошка кончилась, а хлебные лавки не работают.

Ветер злобно дунул из-за угла, полы Пашкиной кацавейки разлетелись, и матросы увидели под ней голое и худое Пашкино тело.

— Видно, что богач! — сказал высокий. -- На вот, поешь, милок, матросского пирога, — он сунул Пашке в руки большой ломоть хлеба.

— Спасибо, дяденька,— сказал Пашка, засовывая хлеб за пазуху. — Я у вас сейчас щепок наберу и пойду. Спасибо.

— Собери, собери, — отозвались голоса из темноты. — Пирог-то матери, что ли, прячешь? Правильной жизни парень. А ну, Семён, возьми там в мешке полбуханки хлеба да пару полен прихвати. Помоги миллионщику донести. Ишь ты, какой ветрище задувает! На, миллионщик, возьми ремень, подпояшься.

Семён-матрос сам затянул Пашку чёрным блестящим ремнём с золотым якорем на пряжке. Теперь ветер мог дуть как угодно. Пожалуйста!

Пашка был счастлив. До самого дома проводил его дядя Семён, зашёл в комнату, постоял, посмотрел.

— Если жив останусь — приду, — пообещал он. — Жди!

Штурм Зимнего дворца начался через два часа. Пашка не спал и всё слышал: гулкий залп «Авроры», треск пулемётов и крики «ура» возле дворца.

Под утро всё стихло.

Вечером на другой день зашли на квартиру к Пашке дядя Семён с товарищами, сами перетащили на руках Пашкину мать на третий этаж, в большую комнату; туда же перенесли и немудрящие их пожитки.

— Живите, — сказал им дядя Семён на прощанье. — Поправляйтесь. Давай, Пашка, руку на счастье. Теперь ты, брат, настоящий богатый человек. Помни!

— Почему ж это такое, дяденька? — спросил Пашка с робостью, и матрос Семён засмеялся.

— Почему? — переспросил он и вместе с Пашкой подошёл к большому и широкому окну на улицу. — Потому, друг... Видишь вот землю, город, дома, дворцы?

— Вижу, — сказал Пашка.

— Смотри лучше, — сказал дядя Семён и повыше поднял Пашку за плечи. — Всё это твоё теперь, парень. Навсегда, навечно. Октябрьская революция победила.

АНДРЕЙ ШМАНКЕВИЧ *Рис. Ю. КОРОВИНА*

ГОРЬКИЕ КОНФЕТЫ

Рассказ из дореволюционной жизни

Мы сидели с Борисом-белобрысом под плетнём и с наслаждением грызли морковку. Теперь я уже и не помню: была ли это фамилия — Белобрыс, или Бориса так дразнили, потому что он был на самом деле белобрысым. Свидетели нашего пиршества — подсолнухи, кукуруза и широколистные лопухи — стояли молча вокруг и закрывали нас от посторонних взоров. Это было необходимо, так как морковку мы добыли не совсем честным путём. Борисова мать заставила его прополоть бурьян между грядок, но ничего не говорила о прореживании моркови. Это мы с ним сделали по собственному разумению.

— Когда ей просторно, она крупнее растёт, — уверял меня Борис. — Только ты матери не говори... Она страсть как не любит, когда мы самовольничаем на огороде. Вас, говорит, шестеро, и если каждый будет своевольничать, так осенью и собирать нечего будет... Ну, да ничего, мы ведь только по маленькому пучочку...

Морковка была ещё мелкая и безвкусная, но я сказал:

— Как мёд...

— Ещё слаще... — не согласился Борис.

— Слаще мёду ничего на свете не бывает! — возразил я.

— Нет, бывает...

— Сахар?

— Нет... Не сахар и не леденцы... — ответил Борис и загадочно усмехнулся.

Я начал называть подряд все известные мне в то время сладости.

— Арбуз? Дыня? Груши? Печёная тыква? Нет? Тогда ты просто всё выдумываешь... Нету ничего на свете слаще мёду, — сказал я решительно.

Борис засмеялся и вдруг огорошил меня:

— А щиколад?

Тут мне пришлось пойти на попятную, и я сказал:

— Так ведь я про то говорю, что мы пробовали сами, а щиколад твой не знаем, как он и пахнет.

— А я знаю, как он пахнет и какой он, — неожиданно объявил мой приятель. — Знаешь, какой он, щиколад-то? Чёрный и немножко красный. Вот такой! — Борис схватил и сунул мне черепок от разбитого горшка. — А пахнет он так, что голова кругом идёт. С непривычки ежели...

Я не знал — верить мне или не верить? Сам я ещё ни разу в жизни шоколада не видал и представлял его не чёрным, а совсем наоборот, прозрачным, как льдинка, какой-то невероятной сладости, неведомого вкуса...

— Где ты его видел? — недоверчиво протянул я.

— У сладкой барыни, вот где... Ходили мы к ней весной с мамкой. Две десятины-то наши она купила, вот и ходили к ней просить, чтобы хоть и́сполу нам отдала нашу землю.

— Как это и́сполу?

— Пополам, значит... Мы будем пахать, сеять, убирать, а ей половину урожая...

— Так зачем же вы продавали? — возмутился я.

— Смотрите на него... Он не знает, зачем люди последний лохмот продают! Сколько нас? Семеро? Семеро... Есть нам что-нибудь надо было зимой? Папаня-то мой пошёл на войну с германцем, да и... Ровно ты не знаешь, как мы жили зимой? Вот потому и продали... А барыня не зевает, всё под себя гребёт...

— Пришли мы к ней, — продолжал Борис, — сидим и ждём на порожках, когда сама выйдет. Сижу я и не понимаю — пахнет с её двора чем-то таким, что я не успеваю слюни глотать. Посмотрел в щёлочку и вижу — стол огромный стоит под тутовником, а рядом печка. На печке тазище вот такой, как жар горит... За столом ребята сидят, чисто все одетые, по-праздничному... А сама барыня берёт что-то ложечкой из сундучков разных, из мешочков, на весах вешает на маленьких и всё в таз сыпет. И ещё пальцем по книжке водит... Я шепчу: «Маманя, колдует барыня...» А она: «Не колдует, а щиколады варит».— «Зачем?» — «Такая, — говорит, — у неё забава на старости сыскалась. Варит да на ребятах пробует... Может, почудней какой сварить хочет...»

— Ну и что? — поторапливаю я Бориса.

— Потом сняла она таз с печки, остывать поставила. Про нас и не думает... А как остыло — вывалила всё варево на стол и давай месить да раскатывать, вроде как на вареники... Ребят тоже заставила катать... Потом ножом порезала на кусочки и опять остывать поставила. А как остыли... — Борис даже глаза зажмурил, — как остыли, она и говорит ребятам-то: «Ешьте». А сама только махонький кусочек себе в рот положила, жуёт и голову то на один бок наклонит, то на другой...

— Ну, а ребята? Ребята что? — перебиваю я.

— А дурни какие-то попались... Съели по одной и сидят, вроде уже наелись... Мне бы довелось, так я... Но зато, когда барыня к нам подошла, началась потеха! Как набросились они на те щиколады, в драку — кто больше в карманы напихает...

— Вот бы нам к сладкой барыне сходить! — сказал я мечтательно.

Борис захохотал и чуть в крапиву не свалился.

— Да ты на себя сначала посмотри! — хохотал он. — Гость какой выискался!

Штаны у него плисовые, пояс с золотым набором...

Остальную одежду Борис описывать не стал по той причине, что на мне, кроме холщовых домотканных штанов, подпоясанных обрывком верёвки, больше ничего не было.

— А руки, ноги-то! Одни цыпки... Отруби да собакам брось, есть не станут! А он туда же, к барыне в гости, щиколады есть...

— Сам же говоришь, что у неё ребята были... — обиделся я.

— О! Ребята! Такие, как мы, что ли? Попов Лёшка, дьяконов Сашка, Колька да Серёжка лавочниковы и ещё аптекаря сын... Вот какие ребята к ней ходят. А ты носом не вышел! — крикнул Борис, дёрнул меня за нос и перемахнул через плетень, чтобы не получить сдачи.

— Всё равно пойду к ней! — крикнул я ему вслед.

На другой день я утащил свою единственную ситцевую рубашку и отправился в верхнюю часть станицы, за речку. Там жили все наши станичные богатеи. По дороге я часа полтора мыл на речке руки и ноги, даже песком их тёр, но отмыть цыпки было невозможно. Так ноги и остались в цыпках и мелких трещинках, забитых грязью.

Ещё шагов за сто от барыниного дома нос мой учуял такие необыкновенные запахи, что в животе появились колики. Я припустил бегом и припал к первой же щёлке в заборе.

Борис не наврал. Всё было так, как он вчера описывал. И стол под тутовником, и печка с тазом, и ребята за столом, и барыня... Я так прилип к забору, что не заметил, какая мне угрожает опасность.

— Ты чей? — раздалось вдруг у меня над ухом.

В нашей станице, если тебе задавали такой вопрос на чужом краю, означало только одно — быть тебе битому. Но тогда я не обратил никакого внимания на это и, не оборачиваясь, ответил:

— Ничейкин, вот чей!..

И тут же за это поплатился: чьи-то сильные руки схватили мою голову и так притиснули меня носом к забору, что я свету не взвидел.

— Пусти! — заорал я. Но тут случилось совсем страшное: гнилая доска лопнула, обломилась, и я полетел в пролом, прямо под ноги барыне. Барыня закричала дурным голосом, из-под стола на меня бросилось рыжее чудовище с оскаленной пастью. Затрещала моя единственная рубаха...

Барыня отогнала собаку и начала расспрашивать, чей я, зачем попал на этот край. Я честно во всём сознался. Тогда она зацепила меня своим костлявым пальцем за подбородок, долго рассматривала моё лицо и сказала:

— Мужик, а похож на моего Александра... Теперь-то сын уже офицер... Садись!

Так я очутился за волшебным столом, рядом с чистенькими ребятами. Впрочем, они сразу от меня отодвинулись, за исключением Лёньки, сына аптекаря. Тот даже подмигнул мне: не теряйся, дескать.

Потом на столе появился противень с конфетами, и барыня сказала мне: «Ешь». И я ел... Первый раз в жизни ел шоколадные конфеты, ел полным ртом, как печёную тыкву, как галушки, как простую картошку. Сначала рот мне обжигала сладость, потом вкус притупился, но я всё ел...

— Легче ты... Плохо будет... — шепнул мне Лёнька.

Когда барыня пошла зачем-то в дом, ребята бросились рассовывать конфеты по карманам. Лёнька крикнул мне: «Не зевай!» Но пока я понял, что́ надо делать, на противне осталось только две колбаски. Я засунул их в карман.

Барыня вернулась и протянула мне детскую матроску и новые шерстяные штанишки.

— Можешь приходить, — сказала она, выпроваживая нас за калитку.

Бориса я встретил в начале нашего переулка и молча сунул ему под нос конфету. У него глаза стали круглыми, как пятаки.

— Откуси,— сказал я великодушно. — Только из моих рук...

Борис откусил и зажмурился от удовольствия.

— Ладно... Бери всю. Я вон как налопался...

Но Борис не стал есть конфету, он решил поделить её на всех белобрысов. Ножом он аккуратно разрезал её на семь кусочков, роздал братишкам и сестрёнкам, взял себе один, а последний протянул матери. Но она не взяла.

— Нет, сынок... Не буду и пробовать,— сказала она. — Горькие они, эти конфеты...

— Что ты, маманя! Сладкие-пресладкие, — начали уверять ребята.

— Нет. Горькие они... На слезах наших вдовьих они замешаны, по́том нашим пропитаны... Кормильцы наши кровушку свою пролили, а она с вдов их да сирот последнюю рубашку снимает. Землицу, на́шу кормилицу, под себя загребает, по́ миру пускает с сумой...

Борисова мать говорила всё громче и громче, стиснув худые кулаки. Я смотрел на её чёрные губы, на впалые щёки, и мне становилось нестерпимо страшно.

—...Сынок её Алексашка понаграбил денег в Питере около двора царёва, а она на те деньги народ в гроб загоняет да шоколады себе варит. Будь она проклята! Чтоб ей слезами нашими захлебнуться!.. Отольются ей наши слёзы... Отольются!

Я выскочил из хаты и бросился бежать. Остановился я только у перелаза через наш плетень. В голове у меня стучало, точно в кузне, к горлу подкатывалась тошнота.

В руке я зажимал конфету. От её запаха мне стало совсем плохо.

— Горькие они! Горькие! — закричал я, как Борисова мать, закрыл глаза и швырнул конфету так, чтобы уж не найти. Следом за ней швырнул и свёрток с матроской и штанами.

Наутро я метался в горячке — барское угощение не прошло даром. Борис говорил потом, что в бреду я кричал:

— Врёшь! Врёшь, старая ведьма! Не похож я на твоего Алексашку-кровопийцу...

Р. КАРМЕН

Рис. В. БРОДСКОГО

ВЕЛИКАЯ СТРОЙКА В ПУСТЫНЕ

СТРАНА „БЕЛОГО ЗОЛОТА“

Туркменистан — богатая страна. Здесь люди добывают из земли уголь, нефть, серу, разводят драгоценных каракулевых овец и быстрых ахал-текинских коней. В садах Туркменистана много фруктов — яблок, винограда, миндаля, инжира, гранат. На весь Советский Союз славятся туркменские дыни «гюляби». И даже финиковые пальмы, которые растут только в самых жарких странах, дают в Туркменистане свои сладкие плоды.

Но самое дорогое, что даёт нашей родине Туркменистан, — это хлопок. Его называют «белым золотом», а Туркмению зовут страной «белого золота». Миллионы метров тканей можно выткать из туркменского хлопка, — так много его там растёт.

Хлопок любит зной и требует много воды. Солнца в Туркменистане хоть отбавляй. А воды мало.

„ЧЁРНЫЕ ПЕСКИ“

В Туркменистане почти не бывает дождей. Набежит туча, заслонит солнце, но только несколько капель упадёт на землю. Пронесёт ветер тучу, уйдёт она, так и не пролив дождя на сухую землю.

Но бывает, что вместе с тучей налетит ураган. Он несёт по воздуху массы песка и пыли. Песчаный дождь! Горе каравану, застигнутому песчаным ураганом в пустыне! Верблюды с жалобным рёвом ложатся на землю, и люди прижимаются к животным, пока не уляжется свирепый песчаный вихрь.

Кара-Кумы по-туркменски — «чёрные пески».

В пустыню нельзя итти неопытному человеку: он заблудится в песках и погибнет от зноя и жажды. Но туркмены веками жили в пустыне. Они знают все тропинки в песках, знают, где найти колодец, чтобы утолить жажду и напоить своих овец и верблюдов.

Многие думают, что пустыня совсем мертва, что в сыпучих, раскалённых от солнца песках нет никакой жизни. Это неправильно. Миллионы овец пасут колхозники-туркмены в Кара-Кумах. Туркменские каракулевые овцы приспособлены к жизни в пустыне. Кара-Кумы богаты разнообразной растительностью. Растения пустыни добывают влагу далеко под землёй. Для этого их корни достигают большой длины, иногда до 20 метров.

Весной пустыня похожа на цветущий сад. Зелёными побегами покрыты сак-

Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА

саул, песчаная акация, тамариск. Тысячи тюльпанов раскрывают свои ярко-красные венчики навстречу солнцу. Склоны песчаных барханов покрыты густым зелёным ковром. Но весна гостит здесь недолго. Уже в конце апреля начинает припекать солнышко. Желтеет, выгорает листва кустарников, вянут цветы, начинается долгое лето. Туркменская пустыня становится царством зноя.

ТАМ, ГДЕ ТЕКЛА АМУ-ДАРЬЯ

А ведь было такое время, когда в Кара-Кумах текли пресноводные реки. И даже море было в пустыне. Большое море, вернее — озеро с пресной водой. Когда-то, много тысячелетий назад, река Аму-Дарья текла через Кара-Кумы.

На пути Аму-Дарьи лежало в центре пустыни Сарыкамышское озеро. Река наполняла его и затем текла дальше через всю пустыню и впадала в Каспийское море. До сих пор сохранилась огромная, глубокая сухая чаша, которая когда-то была гигантским озером. До сих пор сохранилось высохшее старое русло Аму-Дарьи — Узбой, по которому она текла в Каспий.

Но почему же Аму-Дарья перестала течь в Каспийское море? И почему её воды, которые когда-то орошали пустыню, теперь бесполезно текут стороной в Аральское море?

Аму-Дарья и сейчас часто меняет своё русло. Этс происходит потому, что она несёт вместе со своими водами много ила и сама закупоривает им своё русло. Очевидно, поэтому изменилось течение этой своенравной реки много тысяч лет тому назад.

МЕЧТЫ ТУРКМЕНСКОГО НАРОДА

Веками мечтали туркмены вернуть реку Аму-Дарью пустыне.

Об этом думали многие учёные и путешественники — исследователи пустыни.

Но все мечты туркменского народа, все труды русских учёных не могли осуществиться при царском правительстве. Царское правительство пугалось больших работ и не заботилось о счастье людей, мечтавших оживить пустыню.

Только после Октябрьской революции великие вожди Ленин и Сталин поставили перед народом задачу орошения пустынь нашей страны.

При советской власти началось строительство оросительных каналов, плотин и водохранилищ. Миллионы гектаров земель в пустынях получили воду. А учёные продолжали свои работы над великим проектом поворота реки Аму-Дарьи в старое русло, через пустыню Кара-Кумы.

ВОЗДУШНЫЕ ВОДОВОЗЫ

Два года назад я путешествовал по Советскому Туркменистану.

Мы летели над пустыней Кара-Кумы, и рядом с нашим самолётом летела целая эскадра воздушных кораблей. На борту каждого из них было написано:

ВОДА

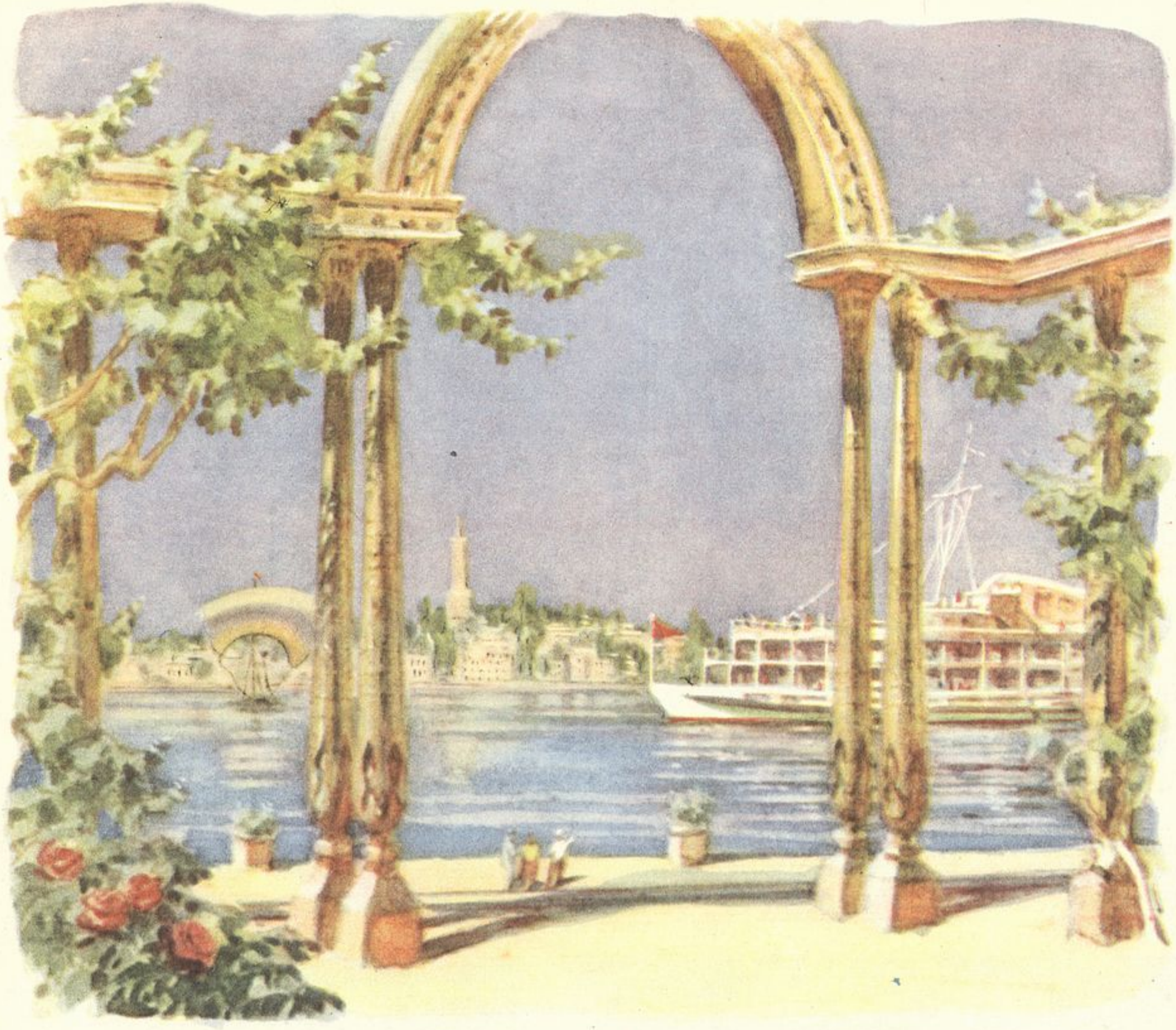
Самолёты направлялись в самый центр пустыни, на Серный завод. Дорого стоит государству возить воду самолётами. Но советское правительство заботится о людях, работающих в пустыне, и доставляет им всё необходимое по воздуху: почту, свежие газеты, кинофильмы и даже воду.

Аму-Дарья несёт свои воды вдоль восточной части Туркменистана. А на другом конце республики — на западе, у берегов Каспийского моря — пресной воды совсем нет. Большой портовый город Красноводск называют «городом заморской воды», потому что ему привозят питьевую воду пароходами из Баку.

Трудно с водой и в городе Небит-Даге. Это новый большой город, он вырос в пустыне рядом с нефтепромыслами. Туркменская земля богата нефтью, её добывают в Небит-Даге в больших количествах. Растут промыслы, заводы, города, а воды нехватает, приходится её возить самолётами, пароходами. Как же получить воду из далёкой Аму-Дарьи, которая протекает больше чем за тысячу километров, далеко на востоке туркменской земли?

МЕЧТЫ СБЫВАЮТСЯ

Утром 12 сентября 1950 года радио принесло радостную весть: советское правительство постановило построить Главный Туркменский канал и направить



воды Аму-Дарьи через пустыню Кара-Кумы к берегам Каспийского моря.

Тысяча сто километров будет длина канала!

Он оросит земли, которые веками томились от зноя и безводья.

Канал будет судоходным. Корабли поплывут через пустыню!

Вдоль канала будут расти сады, леса и хлопковые поля!

На канале будут построены мощные гидроэлектростанции. Электрический свет озарит пустыню!

Пустыня станет цветущим краем!

В эти радостные дни группа инженеров — строителей канала отправлялась в экспедицию в пустыню. Нужно было изучить, исследовать, осмотреть все места, где будут построены гидростанции и плотины. Нужно было пройти весь путь, по которому Аму-Дарья потечёт в Каспий. Инженеры взяли в экспедицию и кинооператоров, чтобы заснять на плёнку это путешествие.

1 500 КИЛОМЕТРОВ ПО ПУСТЫНЕ КАРА-КУМЫ

Пятнадцать суток шла экспедиция по пустыне Кара-Кумы. Мы прошли мимо Сарыкамышской котловины, инженеры внимательно её осмотрели. Потом направились по древнему руслу Узбой.

Мы поражались, как хорошо сохранилось это русло. Иногда казалось, что Узбой — живая река. Высокие его берега как будто облицованы камнем. Только на дне Узбоя вместо воды — белые пласты соли и кое-где стоячие неподвижные воды.

По этому руслу теперь вновь потекут воды Аму-Дарьи.

Экспедиция была нелёгкой. Часто нам преграждали путь сыпучие пески. Машины застревали в песках, их приходилось подталкивать, тащить на руках. Но строители Главного Туркменского канала ни на минуту не прекращали своей исследовательской работы.

— Здесь мы построим гидростанцию,— говорил начальник строительства Семён Константинович Калижнюк и отмечал это место на карте.

— В этом месте будет построена большая плотина, и долина превратится в огромное озеро, — говорил главный инженер строительства Эристов и рисовал на карте пустыни красный кружок.

— У подножия этой горы будет город, — говорил инженер Семёнов.

Инженеры собирали образцы камней и песка. Это для того, чтобы изучить строительные материалы, из которых будут строить в пустыне большие сооружения.

ВЕЛИКАЯ СТРОЙКА КОММУНИЗМА

Прошло два года с того дня, как советское правительство решило построить Главный Туркменский канал.

Уже идёт полным ходом великая стройка в пустыне.

На пустынном мысе Тахиа-Таш, на берегу Аму-Дарьи вырос большой город строителей. В этом месте будет строиться плотина, которая направит Аму-Дарью в новое русло. К мысу Тахиа-Таш построена железная дорога, и по ней идут грузы со всех концов Советского Союза.

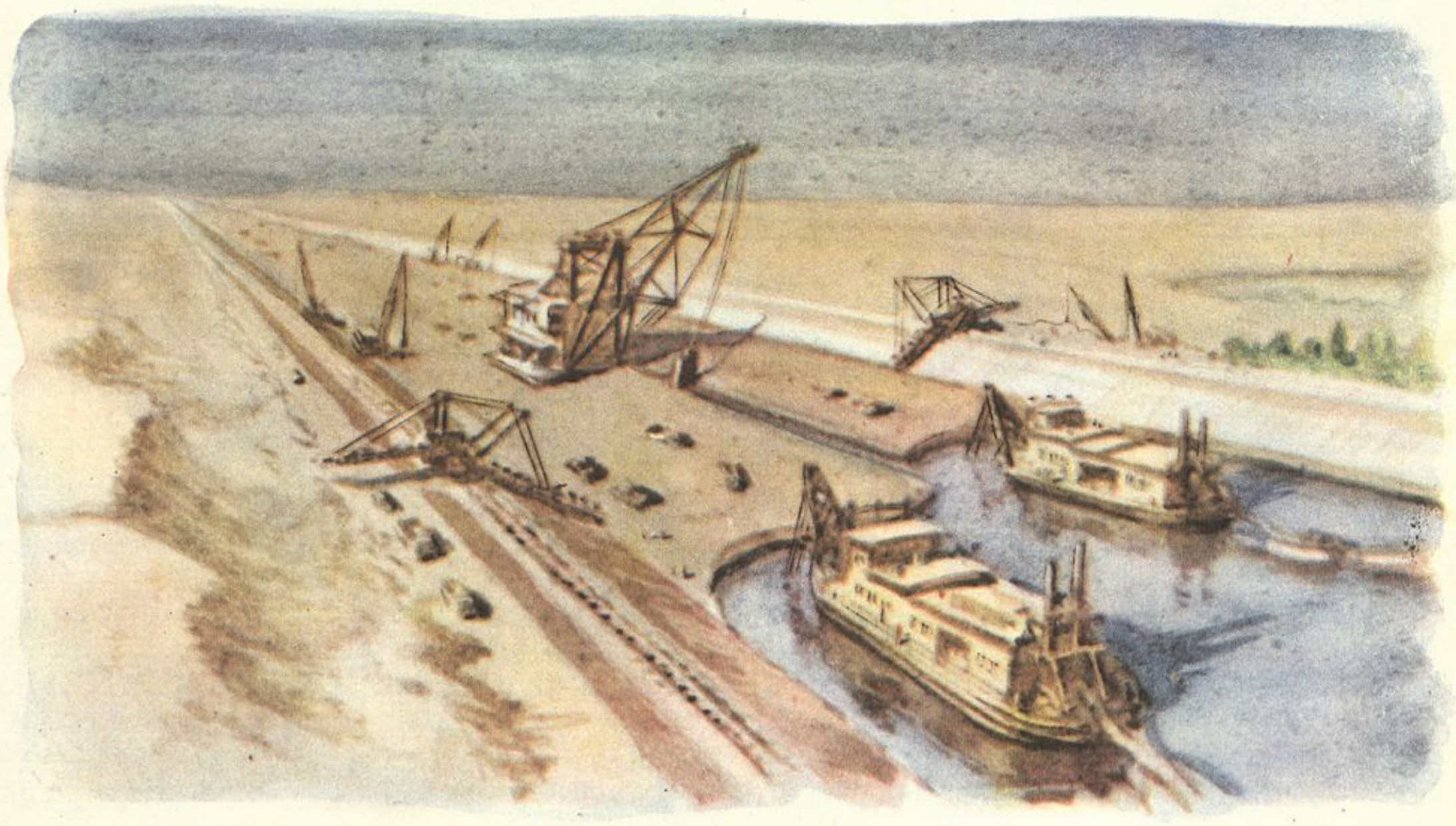
Люди из всех республик нашей родины едут на строительство Главного Туркменского канала. Днём и ночью гудят в пустыне машины. Строятся новые и новые посёлки строителей.

Могучие землесосы и экскаваторы, которые закончили работу на строительстве Волго-Донского канала имени В. И. Ленина, уже перекочевали в пустыню и приступили к работе.

Пройдёт немного лет, и канал будет готов.

И там, где сегодня ещё раскалённые пески и миллионы гектаров сухой земли, скоро зацветут сады, зазеленеют хлопковые поля, появятся искусственные моря и новые красивые города.

Советские люди, одержав победу над пустыней, осуществят великий сталинский план преобразования природы.



С. МАРШАК

Рис. А. ЕРМОЛАЕВА и В. АВЕТОВА

Весёлое путешествие от А до Я

(Окончание)

Мы славно пообедали
У щедрой буквы «Щ».
Всего мы здесь отведали:
И щуки и борща.

А рано утром натощак
Пошли мы к букве
«Твёрдый знак».
Но не могли найти никак
Ни твёрдый знак,
Ни мягкий знак...

Ъ Ь

Мы долго думали в пути,
Где эти знаки нам найти,
И после размышленья
В печать
Решили мы послать
Такое объявленье:

«Пропала
Не собака,
А два
Печатных знака.
Найти их рядом мудрено.
Но, может быть, однако,
Словцо отыщется одно,
Где будут оба знака?»

В одной из утренних газет
Мы через день прочли ответ
От школьника Петрова
Из города Ростова.

Илья Петров ответил так:
«И твёрдый знак и мягкий знак
Найдёшь в одно мгновенье.
Ты их найдёшь,
Когда прочтёшь
Своё же объявленье!»

Мы о б ъ я в л е н ь е перечли
И оба знака в нём нашли.
И написали мы в Ростов:
«Благодарим, Илья Петров!»

———

Потом в автомобиле
Мы съехали с горы
И быстро докатили
До станции «Еры».

Так сотни лет звалась она
До нас, в былые времена.

А нынче эту букву мы
Обычно называем «Ы».

Ы

Глядим: у станции «Еры»
Заборы красят маляры.

Спросили мы у маляров:
— Скажите, маляры,
Где отыскать десяток слов,
В которых есть «еры»?

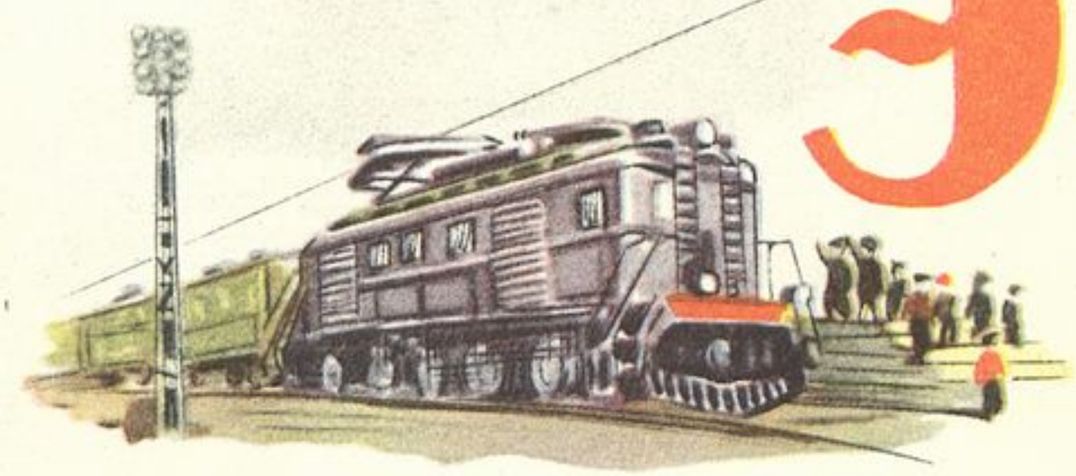
Нам отвечали маляры:
— Нет случая такого,
Чтоб эта самая «еры»
Была в начале слова.

Бывает эта буква
В конце и в середине:
В конце «капусты», «брюквы»
И в середине «дыни».

Легко найдёте вы «еры»
В словах «костры» и «топоры»,
В «бутылке» и в «корыте».
Ещё три слова на «еры»
Вы сами подберите!

Сказав спасибо малярам,
Мы покатили по горам,
Помчались легче пуха
По гладкой, ровной колее
И увидали букву «Э»,
Похожую на ухо.

Э



До этой буквы нас довёз
Не паровоз — электровоз.
Он нас домчал в короткий срок,
Его тянул электроток.

Несёт нам ток электросеть,
Чтоб лампочки могли гореть,
Чтобы до утренней зари
Светили ярко фонари.

У буквы «Э» — бетонный дом
С высоким нижним этажом.
При входе в это зданье
Вы слышите жужжанье.

Мы в светлый зал
гуськом вошли.
Там, выстроившись в ряд,
Жужжат машины, как шмели,
Безумолку гудят.

Они не ткут, они не шьют
И не прядут для нас.
А то, что нам они дают,
Невидимо для глаз.

Идут от дома провода
На запад, на восток.
По ним в колхозы, города
Бежит электроток.

Вот почему мы этот дом
Электростанцией зовём.

Но едем дальше не спеша.
Вот экскаваторы «Э. Ш.» —
Шагают, землю роют,
Канал в пустыне строят.

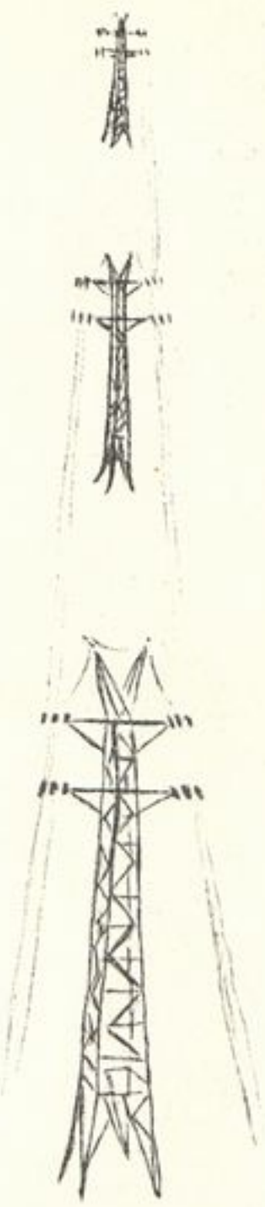
Идёт машина-великан
С ковшом на шее длинной
И роет, роет котлован
Для будущей плотины.

Идёт машина, точно в бой,
В пески пустыни голой.
Её ведёт, как рулевой,
Стахановец весёлый.

———

У той же буквы есть экран —
Большое полотно.
Пред тем, как сесть
в аэроплан,
Смотрели мы кино.

Мы видели киножурнал,
Чапаева в бою.
Потом автобус нас помчал
На главный аэровокзал.
Летим до буквы «Ю».



В любом неведомом краю
Нам компас — лучший друг.
Одной заглавной буквой «Ю»
На нём отмечен Юг.

А стрелка лёгкая — магнит —
На Север кончиком глядит.

Довольно Север мне найти,
И я в короткий срок
Определить могу в пути,
Где Запад, Юг, Восток.

Над облаками мы летим
По компасу на юг,
На берег моря, в Южный Крым,
Где нет зимою вьюг.

На юге к морю мы пошли.
Валы бегут, шумят.
Глядим: пускает корабли
Компания ребят.

Один из них нам показал
Устройство корабля.
— Вот это, — говорит, —
штурвал,
Иль колесо руля.

— Вот палубы! — сказал
моряк. —
Переднюю зовут,
По-нашему, морскому,
«бак»
А кормовую — «ют».

И долго с юным моряком
Мы разговор вели.
Отлично с морем он знаком
И знает корабли.

Он рассказал нам по пути,
Что очень любит флот
И в юнги думает пойти,
Чуть только подрастёт.

Мы с черноморцем удалым
Расстались, как друзья.
И, покидая Южный Крым,
Несёмся к букве «Я».

Я

От буквы «А» до буквы «Я»
Течёт река Аму-Дарья.
Полна воды Аму-Дарья.
Её могучая струя
Пойдёт туда, где ныне
Ещё безлюдные края,
Песчаные пустыни.

Там, где травы не видит взгляд,
Где нет дорог и тропок,
Пусть будет город, будет сад,
Пусть будут пастбища для стад,
Пусть созревает виноград
И шелковистый хлопок!

Пускай в песках, где пауки
Да ящерицы жили,
Перекликаются гудки
И хлопка мягкие тюки
Везут автомобили.

Пусть будет хлебным этот край,
Безводный и бесплодный,
Пусть яблок, ягод урожай
Приносит ежегодно.

И напоит Аму-Дарья
Далёкие селения,
Когда пойдёт её струя
В большой канал Туркмении.

———

От буквы «А» до буквы «Я»
Течёт река Аму-Дарья.
От буквы «А» до буквы «Я»
Идёт и азбука моя.

По ней везли нас поезда,
Морские пароходы.

Мы повидали города,
И шахты, и заводы.

На самолёте мы неслись,
Спускались вниз,
взлетали ввысь,
В смолёной лодке плыли,
Тряслись в автомобиле.

И вот доехали, друзья,
Мы до последней буквы — «Я».

А эта буква оттого
Считается последней,
Что ты себя же самого
Не ставишь в ряд передний.

Не могут ждать у нас в стране
Почёта, славы, чести
Те, у которых «я» да «мне»
Стоят на первом месте!

Народ толково и не зря
Расставил буквы букваря.

———

Ты эти буквы заучи.
Их три десятка с лишком,
Но для тебя они — ключи
Ко всем чудесным книжкам.

В дорогу взять не позабудь
Ключей надёжных связку —
В любой рассказ найдёшь
ты путь,
Войдёшь в любую сказку.

С тобою вдруг заговорит
Молчавшая страница.
Тебе дорогу озарит,
Взмахнув крылом, Жар-птица.

Найдёшь ты книги о морях,
О снеговых вершинах,
О звёздах, птицах и зверях,
Растеньях и машинах.

Найдёшь ты храбрости пример
В хорошей, умной книжке.
Увидишь весь СССР,
Всю землю с этой вышки.

Ключи откроют том любой
Библиотек, читален.
И будут говорить с тобой,
Как с другом, Ленин, Сталин.

Рис. Ю. КОРОВИНА

Детский сад в Новом Китае.

Л. ВОРОНКОВА *Рис. Е. АФАНАСЬЕВОЙ*

ПРАЗДНИК

Наташа Цветкова, ученица первого класса, пришла домой с новостью.

— Мама, — громко сказала она ещё с порога, — а мы уже весь букварь прочитали!

— Неужели? — удивилась мама. — Вот какие молодцы!

А старшая Наташина сестра, Галя, не поверила:

— Весь? Так уж и весь? И ни одной странички не осталось?

— Да, весь, — подтвердила Наташа, — только полстранички...

— А говоришь — весь!

— Ну и что же? Ну, только полстранички. Завтра дочитаем. Потом...

Тут Наташа приняла важный вид:

— А потом нам книгу для чтения дадут! Толстую, с картинками. И Людмила Ивановна сказала, что там сказки тоже есть!

Наташа представила себе эту книгу, засмеялась от радости и принялась прыгать вокруг стола на одной ножке.

— Значит, у вас в классе будет праздник, — сказала мама, — хоть небольшой, а всё-таки праздник. Не так ли?

— Так, — согласилась Наташа.

— Первоклашный праздник... — улыбнулась Галя. — Вот интересно! — Тут она подошла к своей книжной полке, посмотрела кое-какие книги и о чём-то задумалась. А потом вдруг побежала в прихожую и стала одеваться.

— Ты куда? — закричала Наташа и тоже побежала в прихожую.

— К Тане Бландовой,— ответила Галя.

— А зачем?

— По делу.

— А по какому?

— Потом узнаешь.

И больше ничего не сказала. Засмеялась, открыла дверь и убежала к подруге.

* * *

Таня Бландова была в пионерском отряде очень важным человеком. Она была председателем совета отряда.

— Ты очень хорошо придумала, Галя, — сказала она. — Давай сбегаем сейчас к Людмиле Ивановне, посоветуемся, а? Она здесь недалеко живёт!

— Да хоть бы и далеко, что же мы — маленькие? — ответила Галя. — Живо сбегаем.

Галя и Таня Бландова побежали к учительнице. Учительница выслушала их и сказала:

— Очень хорошо придумали, девочки. Жалко только, что нам это раньше в голову не пришло. Ну, ничего, у нас ещё целый день в запасе. Сегодня вы пока свои книги приготовьте, а завтра мы весь наш четвёртый отряд оповестим.

* * *

Наташа всегда засыпала рано. Раньше всех. Мама ещё долго хлопотала по хозяйству. Папа ещё долго сидел за своим письменным столом. И Галя ещё долго читала какую-нибудь книгу. А Наташе уже давно снились весёлые сны.

Так же было и в этот вечер. Наташа спала, подложив руку под щёку. А Галя и мама не спали. Они разбирали большую книжную полку.

— Вот эту можно? — шопотом спрашивала Галя.

— Эту, пожалуй, можно, — тихо отвечала мама. — Только надо подклеить.

— Сейчас подклею. А эту?

— Нет. Эта не годится. Не поймут. А вот это что? «Гуси-лебеди». Вот эта хороша. Только почистить её надо.

А потом они — мама и Галя — сидели за большим круглым столом, чистили, подклеивали и обёртывали отобранные книги. И все эти старые книги — где порванные, где запачканные — становились новее, красивее, наряднее.

* * *

На другой день девочки из четвёртого класса вечером собрались в школе. Все они пришли с книгами и разложили их на большом столе в пионерской комнате.

Тут были короткие рассказы, напечатанные крупными буквами. Тут были стихи. Тут были сказки. И во всех этих книгах красовались хорошие большие картинки.

Девочки принесли листы белой бумаги, цветные карандаши и резинки, поставили на стол клей. И принялись за работу.

* * *

Морозная вьюга ещё с ночи бродила по улицам. И утром тоже вихрилась по тротуарам и бросалась в лицо колючей ледяной крупкой. Ученицы первого класса пришли в школу, закутанные в платки, в шарфы, в шали. Некоторые сами даже и раздеться не смогли бы, и если бы не нянечка в раздевалке, так и стояли бы, растопырив руки и поглядывая в щёлочку из-под тёплого платка.

Но пришли все. Ни одна ученица не осталась дома. А как же можно не прийти в такой день? Ведь сегодня они сдают букварь и получают новую книгу, книгу для чтения.

— У нас сегодня будет небольшой праздник, — повторяла Наташа своим подругам мамины слова.

И все они не могли дождаться, когда же наступит урок чтения.

И вот, наконец, этот урок наступил. Девочки вбежали в класс после перемены и сразу столпились около стола учительницы. А на столе Людмилы Ивановны уже лежали стопки новеньких книг, в новеньких переплётах и совсем не похожие на буквари. И только тогда сели девочки на свои места, когда в класс вошла учительница.

— Сегодня, девочки, у нас особенный день, — сказала Людмила Ивановна. —

Мы закончили букварь. Очень много потрудились мы с вами в этом году: выучили все буквы, научились их складывать, научились читать слова и целые предложения. И теперь мы берём в руки книгу для чтения. Значит, стали мы с вами на одну ступеньку старше, на одну ступеньку умнее. Вот какой важный у нас сегодня день!

Потом Людмила Ивановна стала раздавать книги по партам. И вот по всему классу зашелестели новенькие странички.

Но не успели девочки как следует разглядеть свои книги, не успели на них нарадоваться, как в дверь класса раздался стук.

— Войдите, — разрешила Людмила Ивановна.

Но что же это такое? В первый класс вошли девочки из четвёртого класса — Таня Бландова, Катя Ковшикова, Соня Маркина и... Наташа даже нечаянно хлопнула в ладоши — сестра её Галя. Ярко краснели у них на груди пионерские галстуки. А в руках эти девочки несли горшочки с цветами и стопки разных книг. Первоклассницы во все глаза глядели на старших подруг, на своих школьных шефов. Что такое они придумали?

А шефы поставили цветы на стол Людмилы Ивановны, положили книги и выстроились рядком. Наташина сестра Галя Цветкова выступила немножко вперёд и сказала:

— Мы, ученицы четвёртого класса, поздравляем вас с успехами! Вы теперь научились читать. Поэтому мы собрали и принесли вам вот эти книги. Мы читали их сами, когда учились в первом классе. Эти книги расскажут вам много всяких интересных историй и помогут вам хорошо учиться. Читайте на здоровье!

— Все — нам? — радостно крикнула Наташа.

— Все — вам, — ответила Таня Бландова.

— Давайте поблагодарим наших шефов за такой хороший подарок, — сказала Людмила Ивановна.

И девочки весело прокричали:

— Спасибо за подарок! Спасибо за хороший подарок!

Только они кричали не хором, а кто как сумел, и все слова у них смешались. Но старшие девочки всё поняли.

— Желаем вам учиться на пятёрки, — сказали они.

И, выстроившись в линеечку, ушли из класса.

Книги — и маленькие, и большие, с картинками, в красивых переплётах — грудой лежали на столе.

— Теперь нам нужно выбрать библиотекаря, — сказала Людмила Ивановна. — Это будет наша собственная классная библиотека. Вот какой у нас сегодня действительно замечательный денёк! Настоящий праздник!

* * *

Первоклассницы пошли домой очень весёлые. Они надолго запомнят этот день. А когда они будут большие, то, наверно, тоже устроят своим младшим товарищам такой же небольшой хороший праздник.

ВОПРОС

ВАЛДИС ЛУКС

Вот башмак — он рядом с кружкой,
А другого нету!
Вот чулок — он под подушкой,
А другого нету!

Книги, рубашки —
Всё вперемешку!
Нож, карандаш,
Почтовые марки,
Брюки, тетради, —
Всё вперемешку!

Кто ж тут улёгся,
А вещи — вразброс?
Кто этот мальчик,
Вот в чём вопрос?

Перевёл с латышского **В. Лифшиц**

ИГОЛКА

ИННА КУЛЬСКАЯ

Я люблю свою иголку,
Шьёт иголка втихомолку,
Погуляет по канве —
Мак цветёт на рукаве!

Вверх и вниз игла летает,
Следом ниточка ныряет.
И проворна и смела —
Прямо умница игла!

Вот иголка для сестрёнки
Подрубила распашонки;
Папе штопала носки,
Переметила платки.

Мама смотрит и гордится:
Наша дочка мастерица!
Я смеюсь:
— При чём тут я?
Шьёт иголочка моя!

МАЛЕНЬКИЙ АХМАД СМОТРИТ КАРТИНКИ

КУДДУС МУХАММАДИ

Рис. В. ТРОФИМОВА

Ближе подойди, Ахмад,
В книжку погляди, Ахмад!

Открывается страница...
Видишь — хитрая лисица
Притаилась в уголку?

Петуху с утра не спится,
Он кричит: «Ку-ка-ре-ку!»

Это — белка. Пол-листа
Заняла длина хвоста.

Это — утка-мореходка,
Поплыла она, как лодка.

Кувыркается мартышка,
Словно в цирке акробат.

Это — филин на листе,
Всё он видит в темноте.
А при свете он слепой
И не видит нас с тобой.
Нос у филина крючком,
Уши серые торчком.

Это — кот, а это — мышка
Погляди сюда, Ахмад!

Это — пёс и два гуся...
Вот, Ахмад, и книжка вся!

Только льва не видно что-то:
Он, наверно, на охоту
Убежал в лесную тьму,
И не виден потому!

Перевела Елизавета Тараховская

На обложке рисунок В. Щеглова „Петроград в октябре 1917 года".

На обороте обложки рисунок А. Ермолаева «Московский городской дом пионеров»

Редколлегия: З. АЛЕКСАНДРОВА, А. БАРТО, Л. ВИНОГРАДСКАЯ (редактор), Л. ВОРОНКОВА, А. ЕРМОЛАЕВ, Н. ЕМЕЛЬЯНОВА, В. ЛЕБЕДЕВ, С. МАРШАК, Е. МАРТЬЯНОВА, Л. ПАНТЕЛЕЕВ

Художественный редактор О. Каминн *Рукописи не возвращаются* *Технический редактор Л. Волкова*

Год издания двадцать восьмой **Цена 1 руб.** Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Сущёвская ул., 21. Тел. Д 1-15-00, доб. 1-06. А05985 Подписано к печати 27/IX 1952 г.
2,8 уч.-изд. л. Бумага 60×92¹/₈=1,5 бум. л.=3 печ. л. Тираж 250 000 экз. Заказ 1950

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, Сущёвская, 21.

Т1888